

Навязчивыя психическія состоянія и психомоторная сфера.

Нѣкоторыя навязчивыя психическія состоянія, особенно такъ называемыя навязчивыя влеченія и навязчивыя побужденія, стремятся воплотиться въ двигательный актъ, проявиться въ моторномъ разряженіи. Какъ извѣстно, то, что описывается подъ названіемъ *хульныхъ мыслей*, выражается иной разъ въ томъ, что возникаетъ не только стремленіе навязчиваго характера произносить бранныя и неприличныя слова и фразы противъ всего святаго и близкаго данному человѣку, но иногда въ этихъ случаяхъ больной жалуется, дѣйствительно, на то, что языкъ его словно приходитъ при этомъ въ движеніе, и получается у него такое впечатлѣніе, что вотъ-вотъ неприличное слово или даже цѣлая фраза такого же содержанія, противъ его воли, противъ его желанія, вопреки его моральнымъ или религіознымъ убѣжденіямъ, готова сорваться съ его языка и быть слышной для всѣхъ. Однако, наблюденіе и знакомство съ такого рода лицами, страдающими навязчивыми мыслями въ чистой, неосложненной формѣ, показываетъ, что самое большее, что бываетъ въ этихъ случаяхъ, это то, что дѣло ограничивается зачаточными, рудиментарными двигательными проявленіями, и хульныя мысли не осуществляются въ формѣ громко произнесенныхъ словъ и фразъ, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи постороннихъ лицъ. Даже больше, если бы случилось это неудержимое стремленіе произносить неприличныя и бранныя слова вслухъ, если бы оно осуществилось, то этотъ признакъ, взятый, какъ таковой, и носящій названіе *копролалія*, указывалъ бы на то, что передъ нами не чистая форма эссенціальныхъ навязчивыхъ представленій, а что-то иное, на примѣръ, истерическое состояніе или прибавка къ obsessiамъ

иного болѣзненнаго психическаго состоянія. Интересно, что внутреннія мученія, волненія, угрызенія и терзанія совѣсти, сопровождающія хульные мысли, какъ бы замѣняютъ собою здѣсь разряженіе въ двигательный актъ; между тѣмъ какъ при *копюляціи*, существованіе которой исключаетъ возможность чистыхъ неосложненныхъ навязчивыхъ психическихъ процессовъ, эмоциональный элементъ выраженъ слабо, мало бросается въ глаза въ моментъ, по крайней мѣрѣ, обнаруженія этого признака. Боязнь начать произносить вслухъ бранныя и непристойныя слова при навязчивыхъ психическихъ состояніяхъ ограничивается почти всегда, если не всегда, однимъ лишь болѣзненнымъ страхомъ; въ самомъ субъектѣ хранятся задержки противъ двигательнаго проявленія навязчиваго побужденія; вотъ почему въ этихъ случаяхъ, равно какъ и въ случаяхъ имъ подобныхъ и аналогичныхъ, правильнѣе употреблять выраженіе «навязчивое влеченіе», а не терминъ «непреодолимое влеченіе», ибо это послѣднее указываетъ уже на иную психопатологическую подкладку. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ у субъекта навязчивое стремленіе, напримеръ, убить человѣка,—стремленіе, сопровождаемое страхомъ, тревогой, боязнью, какъ бы это на самомъ дѣлѣ не случилось, обыкновенно также все сводится къ одному непріятно-мучительному волненію и опасенію. Нужно обратить, однако, вниманіе на то обстоятельство, что иной разъ въ этихъ случаяхъ субъектъ испытываетъ соотвѣтствующія ощущенія въ правой рукѣ; онъ чувствуетъ при этомъ, что рука его словно тянется къ ножу или къ какому-либо другому вредоносному предмету; онъ замѣчаетъ, что въ ней появляются какъ бы даже соотвѣтствующія движенія. Вотъ эти-то ощущенія периферическаго характера и пугаютъ даннаго субъекта, особенно если они сколько-нибудь замѣтны для его сознанія. Я не сказалъ бы, что тутъ идетъ рѣчь о непреодолимомъ влеченіи убить человѣка; это—не *homicidomania*; это, мнѣ думается, скорѣе боязнь совершить преступленіе, навязчивый страхъ его, своеобразная *фобія*; это, если бы можно такъ выразиться, *homicidophobia*. Я не встрѣчалъ такого случая, чтобы индивидуумъ, страдающій эссенціальными навязчивыми психическими состояніями, совершилъ такой антисоціальныя поступокъ; какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь навязчивое стремленіе трансформируется въ эмоциональный процессъ, а не въ двигательный актъ. Моральныя чувствованія,

большою частью, высоко развитыя при конституціи навязчивыхъ состояній, дѣлають почти невозможнымъ осуществленіе навязчиваго побужденія или навязчиваго стремленія, какъ бы они сильны ни были, какъ бы ни были они страшны для того, кто ихъ испытываетъ и кто отъ нихъ страдаетъ такъ мучительно. Нѣкоторые изъ больныхъ съ рѣзко-выраженными навязчивыми психическими процессами жалуются на то, что у нихъ возникаетъ иной разъ стремленіе совершить также и какое-либо иное преступленіе, помимо навязчиваго побужденія къ убійству, на примѣръ, совершить поджогъ, присвоить себѣ чужую вещь и проч. Надо сказать, что эти навязчивыя побужденія, противъ которыхъ протестуетъ ихъ разумъ и противъ которыхъ возстаютъ также и ихъ моральныя чувствованія, сводятся обыкновенно, если не всегда, къ одному страху, къ одной лишь патологической боязни. Поэтому здѣсь нельзя, думается мнѣ, говорить ни о пироманіи, ни о клептоманіи; тутъ мы имѣемъ то, что можно бы назвать терминами противоположнаго содержанія, ибо тутъ налицо всѣ признаки самой типичной, самой яркой фобіи. И то, что обозначается словами «пироманія» или «клептоманія», относится къ другой категоріи психопатологическихъ явленій, имѣетъ совершенно иную психологическую подкладку; ибо опытъ показываетъ, что лица, страдающія чистыми навязчивыми психическими состояніями, какъ будто даже застрахованы отъ исполненія навязчивыхъ стремленій антисоціального характера. Правда, иной разъ навязчивыя стремленія и навязчивыя желанія разряжаются не только въ видѣ эмоціональнаго процесса, но и въ видѣ опредѣленныхъ двигательныхъ актовъ и поступковъ; это бываетъ обыкновенно тамъ, гдѣ выполненіе навязчиваго стремленія и навязчиваго желанія не причиняетъ другимъ вреда или даже никакой непріятности. Если у субъекта возникаетъ навязчивое стремленіе стукнуть, на примѣръ, по какому-либо опредѣленному предмету опредѣленное число разъ, такой поступокъ, проистекающій изъ навязчиваго стремленія и побужденія и основанный на навязчивомъ суевѣрїи, никому, конечно, не причинитъ вреда, и субъектъ въ такихъ случаяхъ, пожалуй, не будетъ отъ него очень-то воздерживаться. Многіе изъ лицъ той категоріи, о которой идетъ рѣчь, легко поддаются и склоняются къ выполненію иной разъ такихъ невинныхъ навязчивыхъ желаній, какъ покупка какихъ-либо вовсе ненужныхъ вещей или животныхъ, на прим., собакъ; иногда мс-

жетъ появиться навязчивое желаніе освободиться отъ какой-нибудь вещи или предметовъ, находящихся въ домѣ; но всѣ эти навязчивыя желанія, при ихъ удовлетвореніи, не переходятъ нѣкоторыхъ границъ, ибо разумъ индивидуума, его критическое отношеніе къ самому себѣ и къ собственнымъ поступкамъ и дѣйствіямъ спасаютъ и оберегаютъ его и здѣсь, какъ и при многихъ другихъ условіяхъ. Если и можно говорить о томъ, что навязчивыя психическія состоянія отражаются на поступкахъ и дѣйствіяхъ субъекта, у котораго они существуютъ, то это касается скорѣе всего поведенія его, манеры его держаться и пр.; несомнѣнно, что тамъ, гдѣ онъ испытываетъ навязчивую потребность, противъ его воли и желанія, совершить что-либо вредное для кого-либо изъ окружающихъ, задерживающая сила моральныхъ чувствованій сказывается во всей своей полнотѣ, и ни о чемъ антисоціальномъ здѣсь не можетъ быть рѣчи.

Однако, надо подчеркнуть тотъ фактъ, что навязчивая мысль или, вѣрнѣе, навязчивое представленіе стремится осуществиться въ двигательномъ разряженіи; и это отражается такъ или иначе иной разъ на состояніи периферическихъ аппаратовъ. Напримѣръ, у нѣкоторыхъ индивидуумовъ съ навязчивыми состояніями наблюдается навязчивый страхъ, что въ тотъ моментъ, когда имъ придется подавать кому-либо свою руку, она сдѣлается неприятно влажной, потной; при этомъ, дѣйствительно, субъектъ замѣчаетъ, что когда онъ одинъ, когда онъ спокоенъ, когда онъ не испытываетъ внутренняго волненія, у него кисти рукъ сухи или не очень влажны; когда же наступаетъ моментъ съ кѣмъ-либо поздороваться или попрощаться; особенно съ незнакомыми; или съ мало знакомыми людьми, то этотъ субъектъ начинаетъ заранѣе волноваться, бояться, тревожиться, что вотъ-вотъ кисть его правой руки начнетъ потѣть и замѣтно покрываться влагой; представленіе объ этомъ сопровождается иной разъ на самомъ дѣлѣ усиленнымъ выдѣленіемъ пота на кисти правой руки, особенно на ладонной поверхности пальцевъ. Какъ это ни странно, но навязчивое представленіе, сопровождающееся страхомъ, — представленіе о потливости кисти руки даетъ соответствующее раздраженіе на периферіи. Интересно, что при другихъ условіяхъ кисть правой руки того же самаго субъекта не представляетъ ничего ненормальнаго. И въ подобныхъ случаяхъ эта усиленная транспирація въ ограниченномъ мѣстѣ смущаетъ субъекта, кажется

ему особенно неприятной и она тягостна ему настолько, что может отражаться и на поведеніи; она может заставлять его прежде, чѣмъ подать свою руку кому-либо, придумывать разные способы насчетъ того, какъ бы замаскировать этотъ свой недостатокъ; она может заставлять его по возможности не всегда подавать свою руку, уходить ни съ кѣмъ не прощаясь, если это можно и проч.

Разъ зашла рѣчь о томъ, что навязчивыя психическія состоянія отражаются на поведеніи субъекта, ими страдающаго, я позволю себѣ обратить вниманіе на одинъ изъ своеобразныхъ случаевъ такого рода; я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на случаѣ навязчивой боязни чужого взгляда. Я вспоминаю объ одномъ молодомъ человѣкѣ, интеллигентномъ, образованномъ, вполне разумномъ, у котораго появлялось странное для него волненіе и тревога, когда на него начинали смотрѣть посторонніе люди; ихъ взгляда онъ не могъ выносить; онъ боялся убѣдиться въ томъ, что на него смотрятъ; одно представленіе объ этомъ приводило его въ необъяснимый ужасъ; въ это время онъ испытывалъ тягостное ощущеніе давленія въ головѣ; голову его, ~~могъ~~ его что-то сдавливало тисками, и эти ощущенія были для него реальны; они сопровождались поблѣднѣніемъ въ лицѣ. Когда этотъ субъектъ находился подъ взглядомъ другихъ, онъ настолько волновался, что ему невозможно было думать въ это время, онъ не могъ тогда сосредоточивать ни на чемъ свое вниманіе. Если такія условія продолжались дальше, онъ покрывался холоднымъ потомъ; то его бросало всего въ жаръ, иной разъ при этомъ онъ замѣчалъ у себя трясеніе и дрожаніе во всемъ тѣлѣ. Эта тревога, это волненіе смѣнялись у него чувствомъ усталости. Если онъ находится среди лицъ близкихъ и хорошо знакомыхъ, онъ волнуется мало или совсѣмъ не волнуется и чувствуетъ себя свободнѣе или совсѣмъ свободно. Въ присутствіи же лицъ мало знакомыхъ или въ присутствіи совсѣмъ ему неизвѣстныхъ лицъ, смотрящихъ на него, онъ чувствуетъ себя хуже. Видя у себя странности и психическія аномаліи, онъ начинаетъ беспокоиться о томъ, что ему грозитъ, можетъ-быть, остановка въ умственномъ развитіи. *Боязнь чужого взгляда* сильно отражалась въ этомъ случаѣ на поступкахъ и дѣйствіяхъ этого индивидуума, и она заставляла его, напр., не появляться въ обществѣ тогда, когда это было для него необходимо; она,

между прочимъ, мѣшала ему иногда являться на экзамены. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ больной не выносилъ на себѣ чужого взгляда; особенно его смущало то, когда его глаза встрѣчались со взглядомъ другого, и одно это заставляло его опускать глаза или поворачиваться въ сторону; при чемъ волненіе, сопровождавшее навязчивое представленіе и навязчивый страхъ, вызывало рядъ несомнѣнныхъ физическихъ симптомовъ (блѣдность лица, потъ на немъ, трясеніе, дрожаніе и пр.).

Въ параллель съ боязнью чужого взгляда и усиленной транспираціи кисти правой руки, при соотвѣтствующихъ навязчивыхъ представленіяхъ, слѣдуетъ поставить *боязнь покраснѣнія*, гдѣ навязчивое состояніе сопровождается мѣстнымъ двигательнымъ, върнѣе—сосудо-двигательнымъ разстройствомъ. Для обозначенія этого навязчиваго страха употребляютъ названіе «*эрейтофобія*». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покраснѣніе лица сопровождается чувствомъ смущенія, неловкости, и иногда это чувство смущенія бываетъ очень тягостно для субъекта, у котораго наблюдается покраснѣніе въ лицѣ. Тамъ, гдѣ сосудистая система лица очень подвижна, навязчивыя психическія состоянія могутъ создать прекрасную почву для развитія навязчиваго страха покраснѣнія. Въ этихъ случаяхъ у субъекта возникаетъ очень легко и очень часто боязнь, что онъ покраснѣетъ тогда, когда это будетъ совсѣмъ некстати, въ большомъ и незнакомомъ обществѣ; и надо сказать, что навязчивое представленіе, дѣйствительно, отражается на периферическомъ аппаратѣ, и подъ вліяніемъ навязчиваго представленія соотвѣтствующаго характера челоуѣкъ измѣняется въ лицѣ, краснѣетъ, что его смущаетъ, заставляетъ волноваться; иной разъ это такъ сильно тревожитъ его, что мѣшаетъ ему появляться въ обществѣ тогда, когда это нужно. Говоря о навязчивомъ страхѣ покраснѣнія, я позволяю себѣ подчеркнуть тотъ фактъ, что навязчивое представленіе сопровождается и здѣсь двигательнымъ измѣненіемъ на периферіи.

У лицъ, страдающихъ навязчивыми психическими состояніями, приходится наблюдать цѣлый рядъ своеобразныхъ непріятныхъ эмоцій, сопровождающихъ навязчивыя представленія и отражающихся такъ или иначе на внѣшнемъ поведеніи. Напримѣръ, у русскихъ священниковъ встрѣчается иногда патологическая боязнь выходить на амвонъ или изъ алтаря со Святыми Дарами; иной разъ это волненіе, эта фобія проявляется тогда, когда

больному приходится показываться передъ народомъ въ церкви, во время обѣдни, при такъ-называемомъ великомъ выходѣ. Въ это время, когда приходится на виду у всѣхъ держать въ рукахъ чашу со Св. Дарами, больной испытываетъ волненіе, страхъ, не надѣется на себя, думаетъ, что у него можетъ закружиться голова, и онъ не удержитъ чаши въ рукахъ и уронитъ ее. Такой же страхъ, но, можетъ-быть, менѣе тягостный, наблюдается у нѣкоторыхъ священниковъ при выходѣ на амвонъ, вообще; я вспоминаю объ одномъ священникѣ, который рассказывалъ, что когда онъ не на виду у молящихся, когда онъ въ алтарѣ, онъ нисколько не волнуется, свободно произноситъ молитвы вслухъ, читаетъ ихъ громко, безъ дрожанія въ голосѣ, ничего не забываетъ; но тамъ, гдѣ ему приходится дѣлать то же на виду у всѣхъ, онъ испытываетъ волненіе, страхъ, боязнь, что растеряется, забудетъ сдѣлать то, что нужно, что требуется; и дѣйствительно, приходитъ при этомъ въ смущеніе, сердцебіеніе у него усиливается, въ вискахъ начинается стучать. И это состояніе можетъ быть не только у новичка, но и у человѣка, въ теченіе многихъ лѣтъ исполнявшаго обязанности священника. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приходится наблюдать, что тягостная эмоція, сопровождающая навязчивое представленіе, отражается рѣзко на системѣ кровообращенія, даетъ нерѣдко непріятныя ощущенія въ области сердца и вызываетъ объективныя измѣненія со стороны периферической сосудистой системы.

Подобныя же явленія со стороны сердца и сосудистаго аппарата наблюдаются и въ нѣкоторыхъ случаяхъ агорафобіи, т.-е. навязчивой боязни открытыхъ мѣстъ, площадей и пр.; и тутъ, если такой субъектъ остается, напримѣръ, въ открытомъ мѣстѣ одинъ, на него нападаетъ непонятный для многихъ ужасъ, страхъ; ему представляется, что онъ сейчасъ погибнетъ, онъ начинаетъ волноваться, его бросаетъ то въ жаръ, то въ потъ, руки и ноги у него холодѣютъ, сердце замираетъ какъ-будто, или біеніе его учащается сильно; онъ боится, что сердце не вынесетъ усиленной работы и разорвется; и онъ, по его мнѣнію, долженъ неминуемо погибнуть, если останется одинъ тамъ, гдѣ оставаться одному ему совсѣмъ невозможно. Это ужасное чувство страха, боязнь за свое здоровье, страхъ за свою жизнь и заставляетъ такихъ субъектовъ съ явленіями агорафобіи принимать всѣ мѣры къ

тому, чтобы не очутиться въ такомъ безвыходномъ положеніи. Я вспоминаю объ одномъ молодомъ человѣкѣ, очень образованномъ, не лишенномъ талантливости, у котораго существовали самыя разнообразныя навязчивыя состоянія; между прочимъ, у него была навязчивая боязнь оставаться въ домѣ одному и страхъ удаляться отъ дому дальше извѣстнаго разстоянія. Если онъ уходилъ съ кѣмъ-либо, конечно, изъ дому, если онъ удалялся отъ дому на разстояніе, сколько-нибудь значительное, на него нападалъ страхъ, онъ начиналъ волноваться и это сильно отражалось на системѣ кровообращенія; онъ принужденъ былъ возвращаться домой. У него же существовала боязнь сѣсть въ поѣздъ, потому, что представленіе о движеніи поѣзда, удаленіе поѣзда отъ того мѣста, гдѣ жилъ этотъ молодой человѣкъ, мысль о мишащемся поѣздѣ такъ волновали его, что у него появлялось сердцебиеніе и боязнь, что его сердце можетъ разорваться. настолько навязчивое представленіе и навязчивый страхъ отражались въ этомъ случаѣ на сердечно-сосудистой системѣ! У этого же молодого человѣка, въ теченіе нѣкотораго времени наблюдалась невозможность уѣхать изъ того мѣста, гдѣ онъ оказался совершенно случайно и гдѣ онъ ни съ чѣмъ въ сущности не былъ связанъ; онъ былъ принужденъ остаться здѣсь ни одинъ годъ, пока удалось ему справиться съ своими навязчивыми страхами и прекратить свою вынужденную ссылку, связанную съ навязчивыми психическими состояніями. Чтобы переѣхать въ другое мѣсто, въ этомъ случаѣ дѣлались, понятно, неоднократныя попытки; его уговаривали другіе, и приготовляли все, что было нужно; предлагали ему ѣхать не по желѣзной дорогѣ, а въ экипажѣ; и онъ самъ страстно желалъ избавиться отъ своей странной ссылки; но до поры—до времени ничего не помогало. Какъ только нужно было предпринимать путешествіе, какъ только нужно было покинуть надоѣвшее и уже опротивѣвшее даже мѣстопробываніе, такъ наступалъ страхъ, волненіе, неприятыя ощущенія въ сердцѣ, измѣненіе въ сосудистой системѣ, и дѣло кончалось ничѣмъ. Перемѣна вынужденнаго мѣстопробыванія могла совершиться лишь тогда, когда позволило сдѣлать это состояніе нервной системы, т. е. когда навязчивыя психическія состоянія стали слабѣе въ данномъ случаѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ больнымъ, у котораго были налицо всѣ черты тревож-

но-мнительнаго характера и у котораго, кромѣ того, былъ навязчивый страхъ сердечной болѣзни. Какъ это часто бываетъ при навязчивыхъ психическихъ состояніяхъ, у него бывали боли въ области сердца, вслѣдствіе повышенной чувствительности межреберныхъ нервовъ; хотя врачи ему и говорили, что сердце у него здоровое, но это успокаивало его лишь на время; во всякую свободную минуту онъ прислушивался къ своему сердцу, испытывалъ боли; это его волновало, усиливало сердцебиеніе, что въ свою очередь дѣлало боли еще болѣе чувствительными для него; оказалось, что онъ попалъ въ какой-то *circulus vitiosus*, изъ котораго онъ не видѣлъ рѣшительно никакого выхода. Мы уже знаемъ теперь, какъ навязчивыя представленія отражаются на двигательныхъ аппаратахъ; мы видѣли, что навязчивое представленіе объ усиленной потливости кисти руки можетъ дать при извѣстныхъ условіяхъ дѣйствительно усиленную транспирацію въ ограниченной области; то же самое наблюдается и тамъ, гдѣ существуетъ навязчивый страхъ за свое сердце, что сопровождается сердцебиеніемъ, и гдѣ одно навязчивое представленіе можетъ дать картину рѣзко-выраженнаго и мучительнаго *сердцебиенія*. Положеніе этого человѣка сдѣлалось довольно печальнымъ: онъ сталъ бояться умереть во время такого приступа сердцебиенія, онъ боялся, что можетъ умереть внезапно, волновался еще больше; навязчивый страхъ вызывалъ у него бессонницу, лишалъ его аппетита, отражался на его физическомъ здоровьѣ; мысль о томъ, что онъ можетъ внезапно умереть внѣ дома, такъ сильно вліяла на него, что онъ пересталъ выходить одинъ изъ дому; онъ просилъ кого-нибудь сопровождать его, и это какъ будто его успокаивало; кромѣ того, навязчивый страхъ обморока или внезапной смерти заставлялъ его постоянно носить въ карманѣ, на всякій случай, записки на счетъ того, кто онъ такой, гдѣ живетъ и пр., и въ этомъ онъ находилъ нѣкоторое успокоеніе. Этотъ примѣръ, какъ и многіе другіе изъ мною цитированныхъ, указываетъ на то что въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуетъ весьма тѣсная и очевидная связь между навязчивымъ представленіемъ и соответствующимъ двигательнымъ актомъ; навязчивое представленіе отражается такъ или иначе на томъ или другомъ моторномъ аппаратѣ; правда, это вліяніе сказывается въ ограниченной области, часто въ опредѣленномъ, одномъ и томъ же направленіи. Полу-

чается такое впечатлѣніе, что между нѣкоторыми навязчивыми представленіями и нѣкоторыми двигательными системами устанавливается постоянная связь, легко возобновляющаяся, быстро возникающая, стремительно передающаяся отъ центра къ периферіи; при чемъ ощущеніе отъ измѣненія въ двигательномъ аппаратѣ въ свою очередь снова усиливаетъ интенсивность навязчиваго представленія. Какъ это ясно изъ примѣровъ, выше приведенныхъ, огромную роль играетъ въ этихъ случаяхъ сосудисто-сердечная система, отличающаяся большою подвижностью тамъ, гдѣ дѣло касается навязчивыхъ психическихъ состояній. И этотъ эмоціональный элементъ, эта непріятная, иногда тягостно-мучительная окраска, сопровождающая нѣкоторыя навязчивыя состоянія, обуславливается, конечно, измѣненіями въ области сердца или того и другого отдѣла сосудистой системы. Въ этихъ случаяхъ, т.-е. въ случаяхъ навязчивыхъ психическихъ состояній, нужно говорить о томъ, что интенсивность реакціи со стороны сердца и сосудовъ не соотвѣтствуетъ силѣ и значенію навязчиваго представленія; устанавливается какая-то односторонняя связь между чисто-психическимъ и двигательнымъ актомъ. При самомъ возникновеніи эта связь можетъ быть случайной, чисто случайной, и повтореніе и легкое возникновеніе этой связи дѣлаетъ ее стойкой; она усложняется, иногда расширяется, вовлекая въ процессъ и другія представленія по ассоціаціи и т. д.

Говоря о двигательныхъ проявленіяхъ при навязчивыхъ психическихъ состояніяхъ, необходимо, ради полноты, остановиться еще на такъ называемыхъ тикозныхъ расстройствахъ. Прежде, чѣмъ сказать, что такое тикозныя движенія, я позволю себѣ дать самое краткое описаніе нѣкоторыхъ болѣе сложныхъ двигательныхъ расстройствъ, наблюдаемыхъ иногда у лицъ, страдающихъ несомнѣнными и очевидными навязчивыми психическими состояніями и обладающими тревожно-мнительнымъ характеромъ. У индивидуумовъ этой категоріи иной разъ существуетъ стремленіе произносить какія-либо слова или даже цѣлыя фразы словно въ сторону, независимо отъ предмета и темы разговора въ данную минуту. Напримѣръ, я зналъ одного мужчину, уже пожилого, считавшагося всегда нервнымъ, и у него во время разговора бывала привычка вдругъ, нѣсколько повернувши голову въ сторону, произнести или, вѣрнѣе, пробормотать какія-то фразы или слова; и это сопровождалось своеобразной жестику-

ляціей, при чемъ онъ издавалъ ртомъ и носомъ не менѣе странные звуки; но моментально это прекращалось, и онъ продолжалъ говорить или слушать своего собесѣдника. Несомнѣнно, что это отвлеченіе въ сторону, длившееся нѣсколько секундъ, въ общемъ, носило характеръ сложнаго навязчиваго дѣйствія, такъ какъ это послѣднее повторялось отъ времени до времени въ одной и той же формѣ съ внѣшней стороны; такъ какъ оно совершалась очевидно помимо воли и помимо желанія субъекта, при сохраненіи яснаго сознанія, то тутъ были налицо всѣ признаки двигательнаго разряженія навязчиваго стремленія и навязчиваго побужденія или навязчиваго процесса вообще. И здѣсь можно бы, пожалуй, говорить о сложномъ тикозномъ движеніи. У другого индивидуума, мнѣ хорошо извѣстнаго, съ тревожно-мнительнымъ характеромъ и съ навязчивыми состояніями, временами наблюдается рядъ быстро смѣняющихся движеній въ области дыхательныхъ мышцъ; то вы услышите быстрое выдыханіе, то словно откашливаніе, то какъ будто отплеиваніе; получается рядъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ въ привычномъ порядкѣ; и все это длится нѣсколько секундъ, появляется неожиданно, быстро и также исчезаетъ. То обстоятельство, что эти движенія возникаютъ при совершенно ясномъ сознаніи, повторяются стереотипно и носятъ характеръ словно привычныхъ и какъ бы заученныхъ произвольныхъ движеній, это обстоятельство даетъ возможность говорить, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тикознымъ движеніемъ. Если бы мы стали доискиваться того, какъ развиваются эти двигательныя разстройства, если бы мы обратились къ вопросу объ ихъ генезисѣ, то могли бы убѣдиться легко въ томъ, что когда-то, можетъ быть, въ далекомъ прошломъ, они возникли изъ чисто психического процесса, изъ акта интеллектуальнаго; оказывается въ этихъ случаяхъ, что подобнаго рода произвольныя движенія когда-то развились у даннаго индивидуума въ связи съ навязчивыми процессами, въ сочетаніи съ какимъ-нибудь навязчивымъ представленіемъ; но извѣстно, что нерѣдко бываетъ такъ, что навязчивое представленіе соединяется особенно легко съ какимъ-либо двигательнымъ актомъ; и эта связь возникаетъ иной разъ въ этихъ случаяхъ такъ легко, такъ быстро, что двигательный актъ имѣетъ возможность часто обнаруживаться въ одной и той же формѣ. Впослѣдствіи эта связь двигательнаго

акта съ навязчивымъ представленіемъ какъ бы утрачивается, блѣднѣетъ, словно ступшевывается, и двигательный актъ получаетъ способность обнаруживаться автоматически и какъ будто самопроизвольно, ибо онъ становится привычнымъ и заученнымъ; теряя свои прежнія свойства; будучи по своему происхожденію психическимъ, онъ превращается въ такъ называемое тиковое движеніе, склонное чаще обнаруживаться и рѣзче проявляться въ то время, когда индивидуумъ находится въ состояніи волненія, тревоги, заботы.

Выше я указалъ на сложныя тиковыя движенія; но эти послѣднія бывають болѣе просты, болѣе локализованы; и ихъ характеръ, и ихъ генезисъ остаются такими же, какъ и въ примѣрахъ, мною уже приведенныхъ. Напримѣръ, у молодого индивидуума появляется сильная зубная боль; ¹⁾ и вотъ, чтобы успокоить ее, онъ наклоняетъ голову къ плечу и именно въ ту сторону, съ которой у него существуютъ болевыя ощущенія; тутъ налицо для даннаго движенія реальная причина, извѣстная цѣлесообразность. Пока у этого лица продолжается зубная боль, оно прибѣгаетъ все къ одному и тому же движенію, которое даетъ ему облегченіе; тутъ есть и причина, и цѣль. Но вотъ боль прошла, а движенія становятся какъ будто привычными, не прекращаются, остаются, повторяются, хотя для нихъ нѣтъ уже ни цѣли, ни причины; и это движеніе въ видѣ наклоненія головы въ сторону когда-то болѣвшаго зуба, движеніе, возникающее автоматически, непроизвольно тогда, когда въ немъ нѣтъ никакой нужды, когда оно совсѣмъ, излишне,— это движеніе и будетъ въ данномъ случаѣ тикомъ, тиковымъ движеніемъ. Прекрасную характеристику тиковыхъ движеній далъ когда-то, между прочимъ, знаменитый *Charcot*, указавшій на то, что тиковыя движенія являются какъ-бы карриатурой цѣлесообразныхъ сложныхъ движеній; сложное тиковое движеніе нельзя назвать абсурднымъ само по себѣ, если взять его въ отдѣльности; оно абсурдно и нелогично потому, что появляется тогда, когда въ немъ нѣтъ нужды, какъ, на примѣръ, отплевываніе и отхаркиваніе, когда повода для этого не существуетъ, или морганіе, когда въ глазу нѣтъ инороднаго тѣла.

¹⁾ Примѣръ взятъ изъ монографіи Meige и Feindel'я „Les tics et leur traitement“.

Тикозныя движенія имѣютъ, слѣдовательно, тѣсную связь съ психическимъ процессомъ, по крайней мѣрѣ, при своемъ первоначальномъ возникновеніи, при своемъ зарожденіи: они суть не что иное, какъ своеобразное выраженіе въ двигательной формѣ навязчивыхъ психическихъ состояній, и потому-то они и развиваются такъ легко и такъ часто на почвѣ этихъ послѣднихъ. И психика лицъ, страдающихъ навязчивыми психическими состояніями, совпадаетъ во многомъ, если не во всемъ, съ душевнымъ складомъ тикозныхъ.

Чтобы еще болѣе пояснить, что такое тики и каковъ ихъ генезисъ, я позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ ¹⁾. Представьте себѣ, что у субъекта, расположеннаго къ появленію различныхъ навязчивыхъ состояній, существуетъ потребность произвести опредѣленныя движенія съ цѣлью устранить нѣсколько неприятное ощущеніе отъ твердаго или узкаго воротничка; положимъ, данное лицо съ этою цѣлью дѣлаетъ поворачиваніе головы въ ту или другую сторону; затѣмъ, если причина не устранена, снова возникаетъ потребность въ томъ же движеніи, и оно начинаетъ возникать все чаще и чаще, и даже тогда, когда нѣтъ уже первоначальной причины; оно приобретаетъ характеръ какой-то навязчивой потребности и въ то же время становится чисто автоматическимъ и наконецъ приобретаетъ всѣ свойства тика. Возьмемъ другой примѣръ: у субъекта съ нервно-психическою организаціей, вслѣдствіе той или другой реальной потребности, обнаруживается стремленіе произвести и повторить опредѣленное, сложное движеніе плечами, съ приподнятіемъ ихъ и пр.; эта потребность можетъ быть, на примѣръ, въ связи съ неудачно сшитымъ и неловко сидящимъ платьемъ; въ послѣдствіи обнаруживается, что хотя то, что дало первоначальный толчокъ къ возникновенію этого движенія, и устранено, но потребность производить это сложное движеніе осталась; оно стало повторяться, сдѣлалось назойливымъ и позднѣе автоматическимъ, т.-е. тикознымъ.

У лицъ, страдающихъ тиками, наблюдаются самыя разнообразныя произвольныя движенія; тутъ принимаютъ участіе и мышцы лица, и мышцы рукъ, и мышцы плечевого пояса и т. д.; тикозныя движенія могутъ обнаруживаться во всѣхъ произвольныхъ

¹⁾ Смотри „Les tics“ etc. у Meige'a и Feindel'я.

мышцахъ, въ причудливой иногда формѣ; они нерѣдко бываютъ разнообразны и у одного и того же индивидуума въ томъ отношеніи, что захватываютъ различныя мышечныя группы; иной же разъ они ограничены, локализованы и захватываютъ лишь небольшое количество мышцъ. Среди тикозныхъ движеній надо отмѣтить тѣ изъ нихъ, которыя связаны съ рѣчевымъ аппаратомъ и которыя выражаются иногда въ формѣ заиканія; интересно отмѣтить, что иной разъ психика заикъ совпадаетъ съ душевнымъ складомъ тикозныхъ и, слѣдовательно, съ психикой лицъ, имѣющихъ тревожно-мнительный характеръ и склонныхъ къ навязчивымъ психическимъ состояніямъ.

Изъ того, что было сказано выше, совершенно ясно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ склонность къ навязчивымъ психическимъ состояніямъ разряжается въ формѣ рѣзко выраженныхъ двигательныхъ проявленій, и тутъ существуютъ, какъ мы видѣли, разнообразныя комбинаціи, иногда странныя, неожиданно причудливыя, доказывающія съ несомнѣнною очевидностью, что нѣкоторыя навязчивыя представленія сопровождаются двигательными признаками на периферіи тѣла, какъ, на примѣръ, представленіе о потливости рукъ и усиленная транспирація въ кистяхъ рукъ. И то, что даетъ намъ наблюденіе изъ области патологической психологіи, вполне совпадаетъ съ тѣмъ, что давно уже извѣстно въ сферѣ нормальной психо-физиологіи; именно, если мы будемъ по своему желанію, совершенно произвольно представлять въ своемъ умѣ какое-либо движеніе, на примѣръ, разгибаніе руки, то у насъ является стремленіе произвести это движеніе, и мы будемъ производить движенія, правда мало замѣтныя, въ этомъ направленіи, въ какомъ рисуетъ ихъ себѣ наше представленіе въ данный моментъ. Слѣдовательно, одно представленіе о движеніи есть уже зачаточное движеніе; и въ области патологической психологіи этотъ законъ находитъ себѣ блестящее подтвержденіе, правда, не въ такой простой формѣ, какъ это можно бы думать, ибо и наша индивидуальная психическая жизнь сложнѣе, чѣмъ это можетъ быть кажется иной разъ съ перваго взгляда.

С. Сухановъ.